

Профессионал

Сегодня Всеволоду Владимировичу Овчинникову исполнилось бы девяносто пять лет.

Большую часть жизни он проработал в «Правде», но последние двадцать лет трудился в «Российской газете». Тут-то мы и познакомились с ним. Хотя я конечно же знал, кто такой Овчинников даже тогда, когда учился на факультете журналистики. Его «Ветка сакуры» и «Корни дуба» уже в те годы стояли на моей короткой в то время книжной полке.

То был редкий жанр в нашем газетном деле – не репортаж, не очерк, не статья... Овчинников написал великолепные эссе о японцах и англичанах. В «Ветке сакуры», по-моему, вы не встретите ни одной конкретной фамилии, ни одного персонажа с именем. Это эссеистика не о конкретных японцах, а о национальном характере жителей островов. Ни одного конкретного имени, но читается навывлет, как захватывающий детектив. Так же прочитывались и «Корни дуба».

Почему?

Тогда, будучи студентом, я не думал об этом. Теперь думаю, потому что знаю больше и знаком с Овчинниковым. Так вот, его международная эссеистика написана очень просто и очень глубоко. Изумительно ясный, изящный, доступный русский язык. Поразительное знание мельчайших деталей быта, ментальности японцев и англичан. Полное отсутствие даже намека на какие-то пропагандистские клише. И это в ту пору, когда множество наших «журналистов-международников» захлебывались от счастья оболгать и унижить проклятый Запад и империалистический Восток публично на страницах центральных газет и на экранах не менее центрального телевидения.

В чем тут дело? Почему Овчинников был другим? Или спросим иначе – почему ему позволялось быть другим?

Теперь на эти вопросы у меня есть простой и даже лапидарный ответ. Мне кажется, желание и готовность быть пропагандистом у журналиста появляется тогда, когда обнаруживается дефицит конкретных знаний, основанных на этих знаниях реальных представлений о жизни, когда отсутствует естественная любознательность (какое замечательное слово!), неодолимое доброе желание понять жизнь другого народа. Этот вакуум и заполняют пропагандистские клише. Это значительно легче, чем досконально выучить чужой язык, прочесть все что можно о стране пребывания, суметь расположить к себе людей для откровенной и доброжелательной беседы, суметь задать точные вопросы и суметь услышать и понять ответы на них.

Я знаю достаточное количество моих коллег, которые умудрялись работать в разных странах без необходимого уровня знания языка, да и без многих других знаний. Это был способ журналистского туризма, позволявший привозить домой сувениры и впечатления, но не «Ветку сакуры» и не «Корни дуба».

Овчинников, как родной русский, знал китайский, японский и английский. Он был в высшей степени любознателен. Он не просто знал, он прекрасно понимал, чем и как живут люди в той стране, где он работал. Оттого-то ему трудно было возразить и невозможно было заставить написать то, в чем он лично не был уверен.

И еще одно обстоятельство. Всеволод Владимирович и в текстах, и в жизни всегда доброжелателен, спокоен и рассудителен. У него напрочь отсутствует ген скандальности, стремления унижить или раздавить оппонента. Это уже от мамы с папой. И что для меня принципиально важно: он никогда не позволял себе оскорблять профессию, которой занимался. Какими бы ни были времена на нашем дворе. Потому что сам был профессионалом без страха и упрека. Он отвечал за собственное имя – «Овчинников». А имя в ответ благодарно оберегало его от кислотной среды «доброжелательных коллег».

Однажды, в начале нынешнего века одно уважаемое издательство вознамерилось переиздать его книги. Овчинникову позвонил редактор и попросил его внимательно перечитать все тексты, предназначенные к републикации и убрать из них все советское. Через некоторое время Всеволод Владимирович позвонил этому редактору и сообщил, что он все внимательно перечитал и не нашел ничего специфически советского. Впоследствии редактор убедился в абсолютной правоте автора.

Несколько лет мы работали с ним буквально на одном этаже. Встречались в коридорах и кабинетах нашей редакции. Я, наблюдая за ним, убеждался вновь и вновь в справедливости простого правила: настоящий мастер всегда доступен, прост и доброжелателен в общении с кем бы то ни было. К нему мог подойти любой начинающий журналист, попросить о помощи и тут же получить ее. Никакой «звездности», никакой «элитности», никакой особой значимости при этом не наблюдалось. Хотя Овчинников был настоящей звездой – великим профессионалом, редким талантом, одним из очень немногих. Большинство нынешних «звезд» гаснут, как только вы выключите телевизор. Овчинников светит всегда, это *perpetum mobile* неподдельного таланта и трудолюбия.

Его можно было разбудить далеко за полночь и попросить срочно написать заметку на сайт. Он спрашивал в ответ: сколько строк и к какому времени. Не позволял себе ни единой лишней строки и ни минуты опоздания. Ну, что скажешь – профессионал.

По тексту Юрия Лепского